

Regina Wyżkiewicz-Maksimow, **Językowy obraz człowieka – charakter i osobowość w paremiologii polskiej, serbskiej i chorwackiej.** – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2012. – 333 s.

Интерес к пословицам и поговоркам, характерный для европейской фольклористики и этнографии с античных времён, в последние полвека приобрёл новую ипостась. Наконец-то этим малым жанром фольклора занялись лингвисты, что было стимулировано послевоенным фразеологическим бумом, инициированным известными трудами В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, В. Л. Архангельского, Ст. Скорупки, Н. И. Толстого и других исследователей. Обращение же к паремиологии в последнее время во многом магнетизировано современным лингвистическим трендом – поисками так называемой *языковой картины мира*, которые начаты польской исследовательницей А. Вежбицкой и интенсивно продолжены многими славистами, особенно русистами. Не случайно и наименование рецензируемой книги Регины Выжкевич-Максимов прямо подчёркивает связь с этим доминантным направлением: «языковая картина человека – его характер и личность» здесь реконструируется на основе материала польского, сербского и хорватского языков. Тем самым «картинная» доминанта современной лингвистики здесь смыкается с другой её теоретической доминантой – исследованиями особенностей языковой личности, недавно активно представленными работами Ю. Н. Караулова о его окружения. Особо значимы здесь, как кажется, монографические изыскания, раскрывающие личностные характеристики человека древней Руси в призме лексики¹ и фразеологии².

Концентрация сюжета именно на антропоморфной паремиологии вполне правомерна. Ведь пословицы и поговорки так или иначе рисуют облик человека и различных сфер его деятельности. Этот облик в целом объективен, хотя количественно негативные тона языковой картины здесь преобладают. Уже поэтому существует опасность переоценить негативный флёр такой паремиологии в националистическом ключе, подчёркивая маркированность плохого «Чужого» на фоне хорошего «Своего». Такой опасности позволяет избежать лишь количественно и качественно уравновешенное межъязыковое сопоставление. Именно так и поступает автор книги, рисуя образ паремиологического человека в зеркале трёх славянских языков.

Композиция книги Р. Выжкевич-Максимов органически соответствует заданной цели и сопоставительному ракурсу исследования. В 1-й главе *По-*

¹ Т. И. Вендина, *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*, Москва 2002.

² Е. И. Зиновьева, *Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков*, Санкт-Петербург 2012.

словицы в лингвокультурологическом анализе (теоретические проблемы) (сс. 12–39) автор определяет своё отношение к паремиологии и методам её современного исследования. Здесь освещаются спорные вопросы дефиниции паремий, определяется их типология и структурно-семантические параметры, рассматриваются различные взгляды на их происхождение и источники. Предлагается и определение характера личности человека как составной части языковой картины мира фразеологическими (в широком смысле) средствами языка.

Глава 2-я (сс. 40–65) посвящена лексической организации пословиц. Здесь рассматриваются такие проблемы, как специфика лексического состава паремий, их семантическая антитезисность и синонимия (с семантической и структурной разновидностью последней), а также подчёркивается преобладающе разговорная стилевая окрашенность этих языковых единиц.

В обширной 3-ей главе *Характер, личность и их языковая картина в пословицах* (сс. 66–140) рассматриваются кардинальные для избранной Р. Выжкевич-Максимов темы проблемы. К ним относится классический вопрос о национальном характере и его языковом воплощении, о роли и месте стереотипизации в языке и менталитете трёх славянских народов, о возможности выявления идеологических доминант в зеркале пословиц – таких, как отношение к Богу и к обществу, взглядов на свободу и патриотизм, отношение к труду и материальным ценностям, этических и интеллектуальных представлений. Здесь автор щедро развёртывает свою «материальную базу», т.е. в полной мере использует богатство паремиологических источников польского, сербского и хорватского языков, которые ему хорошо известны. Именно насыщенность конкретным материалом позволяет уравновесить сопоставление таких «щекотливых» в национальном смысле фрагментов языковой картины мира, как стереотипы об этнонимах «Цыган», «Поляк», «Немец», «Еврей», «Серб», «Турок» и «Хорват».

Благодаря конкретному материалу и уравновешенности трёхязычного сопоставления Р. Выжкевич-Максимов удаётся релятивизировать преимущественно негативную коннотативность таких этнонимических блоков в паремиологии, предложить читателю модели внутренней формы этих блоков и подчеркнуть их амбивалентность и зависимость от различных факторов – как экстралингвистических, так и собственно языковых. Справедливо рассматривая такого рода пословицы и поговорки как отражение универсально семиотической оппозиции «Свой – Чужой», создающей эффект ксенофобии. Автор (вслед за Р. Токарским) чётко указывает на различные аспекты последней – убеждение в безусловной самоценности своего народа, убеждение в превосходстве собственной культуры, самоотождествление с собственной религиозной общностью и нетолерантностью к инаковерующим, националь-

ный героический эпос и т.д. (с. 106). Справедливо отмечается в книге и роль некоторых социальных факторов, сопутствующих укреплению и распространению национальных стереотипов, например, амбивалентную роль современных средств массовой информации.

Ещё более обширной, центральной является 4-я глава книги, уже само название которой свидетельствует о её «центральности» – *Языковая картина мира* (с. 141–222). В ней определяется специфика понятия «языковая картина мира» в пословицах, подчёркивается роль коннотации при характеристике языковой личности, определяются виды и функции метафоры в паремиологии и детально описываются когнитивные модели в лингвокультурологической организации пословиц. Само обращение к теории и практике структурно-семантического моделирования, некогда предложенной автором данной рецензии для славянской фразеологии³ кажется весьма эффективным и для паремиологии. Ведь моделирование позволяет систематизировать как внутреннюю форму паремий, так и их структуру, что убедительно доказывается конкретным «раскладом» паремиологических моделей в книге Р. Выжкевич-Максимов. Не случайно именно посредством структурно-семантического моделирования автору удаётся компактно описать наиболее значимые мини-фрагменты паремиологической картины мира трёх сопоставляемых языков. Убедительно и то, что эти модели имеют рекурсивную, диахронически устремлённую природу, что позволяет вскрыть слои традиционной культуры, абсорбированные в паремиях. Вот значимые для такой культуры трёх народов концепты, подвергшиеся анализу в книге Р. Выжкевич-Максимов:

1) Культурологически значимые концептные модели: «Одежда», «Деньги», «Объекты архитектуры», «Военное дело», «Служители религиозных культов», «Инструменты».

2) Концептные модели космических явлений и мира природы: «Металлы, жемчуг и янтарь», «Элементы ландшафта», «Небесные тела», «Названия цвета», «Мир растений», «Стихийные явления».

3) Концептные модели, связанные с человеком: «Общественный статус», «Семья», «Соматизмы».

4) Анималистические концептные модели: «Дикие птицы», «Домашние птицы», «Дикие животные», «Домашние животные», «Рыбы, пресмыкающиеся и насекомые».

Как видим, палитра концептов, отражённая описываемыми Р. Выжкевич-Максимов паремиологическими моделями, весьма широка. Важно при этом, что при инновативности терминологического аппарата, восходящего к теории языковой картины мира, эта палитра, в сущности, соответствует основным

³ В. М. Мокиенко, *Славянская фразеология*, Москва 1980 [2-е изд. 1989].

традиционным классификациям паремиологии, известным со средних веков. Ведь именно так, например, идеографически распределил чешский паремиологический материал уже в середине XVII века в своём собрании *Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům* Ян Амос Коменский⁴. Сборник начинается с «космических» концептов (*Od vody, Od země* и т.п., затем – *Od ryb, Od ptáků* и т.д.). Эта классическая схема, как видим, неплохо работает и сейчас – как и концептуальная идея чешского просветителя, выраженная им в знаменитой книге *Мир чувственных вещей в картинках* (*Svět v obrazech, Orbis pictus* – 1658), во многом, как кажется, навеянной именно его паремиологической классификацией. Кстати, к сожалению, ни А. Вежицкая, ни её последователи почему-то не упоминают о Я. А. Коменском, хотя уже само и чешское, и латинское название его основного труда – «Мир в картинах» недвусмысленно связано с современной теорией и самим термином *языковая картина мира*, о чём автору этих строк неоднократно уже приходилось напоминать. Концептуальная классификация Р. Выжкевич-Максимов паремиологии трёх славянских языков ещё раз убедительно доказывает неуязвимость классических распределений пословиц по семантическим центрам диахронического типа и уже потому объективна.

Небольшая заключительная 5-я глава (сс. 223–250) подводит итоги сопоставительному анализу и вновь возвращает читателя к стержневым проблемам реконструкции паремиологической картины мира. Здесь автор вновь определяет важную роль пословиц в национальных языках и культурах и убедительно отстаивает тезис об их активности в современном дискурсе, что подтверждается примерами паремиологической неологии и игрой слов – так называемыми *антипословицами*, которые автор именуется *квази-пословицами*.

Что же показало сопоставительное исследование паремиологических систем трёх родственных языков? В первую очередь, оно обнаружило значительное сходство этих систем, что отражено в «классической» классификации четырёх типов пословичных эквивалентов, предлагаемых автором книги.

Большую группу представили **полные эквиваленты**, т.е. идентичные по семантике и структуре пословицы (**тип А** – сс. 223–226), напр., пол. *Cicha woda brzegi podrywa (rwie)*, серб. *Tuxa voda breg ronі*, хорв. *Tiha voda briket ronі*. Их тождество объясняется как универсальным характером образности многих из них, так и другими обстоятельствами – родством языков и культур, близкими общественными и экономическими условиями, участием в идентичных исторических и политических событиях.

---

⁴ J. A. Komenský, *Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského*, „Spisy Jana Amosa Komenského“, vyd. J. Novák, Číslo 2, Praha 1901.

Эквиваленты **типа В**, т.е. частичные, неполные (сс. 226–227) включают семантически сходные, но обнаруживающие определённые различия в лексическом составе и структуре пословицы, не допускающие дословного перевода на другой язык – напр., пол. *Každy kupiec swój towar chwali*, серб. *Svak svoju robu хвали*, хорв. *Svak svoju robu хвали*. Понятно, что эквивалентность этого типа является неполной.

Эквиваленты **типа С**, т.е. функциональные (сс. 227–228), которые выражают общий смысл паремии, но целиком отличаются как лексическим составом, так и своей структурой – напр., пол. *Každa pliszka swój ogon chwali*, серб. *Svak svoju robu хвали*, хорв. *Svako svoje rake crveni*.

Эквиваленты **типа D**, т.е. нулевые (сс. 228–230), специфичные для каждого языка, отражающие национальные традиции и ценности, специфическую интерпретацию окружающего мира – напр., пол. *Co Polak – to szlachcic*, серб. *Боље у лонцу кесера, него у Тиси моруна*, хорв. *Do padne Alija, od podne Piija*.

Разумеется, отнесение какой-либо «тройки» пословиц к тому или иному типу эквивалентов зависит от многих причин – в основном экстралингвистических (сс. 253–254), к которым я бы добавил и идеологическую обработку того или иного народа в национальном (и даже националистическом) духе. Одна из них – национальная маркированность компонентного состава паремии, так называемое «narodowe źródło» с явными историко-этническими реминисценциями типа *Szwedy narobiły w Polsce бiedy* (с. 33). Р. Выжкевич-Максимов, в частности, справедливо замечает, что национально специфичны пословицы, в состав которых входят топонимы, антропонимы, имена прославленных национальных героев, известных литературных персонажей, представителей разных народов, регионов и жителей конкретных местностей (сс. 230–231). Эту идею автор книги иллюстрирует в разных местах конкретным материалом. Таковы, например, примеры пословиц с таким «локальным колоритом», как пол. *Głowa kiepska – to z Witebska*, серб. *Што ближе к Нишу, горе нишу*, хорв. *Nit u Sarajevu kese vaditi* и т.п. (с. 256). При всей объективности такой констатации нельзя вместе с тем не отметить и возможности компонентных замен в паремиологии подобного рода, нарушающих их чисто национальную колористику.

Приведу лишь один характерный пример, свидетельствующий о необходимости более осторожного отношения к национальной маркировке компонентов пословиц. Так, многие историки русского языка уверенно связывают пословицу *Москва не сразу строилась* с фактом длительной застройки и постепенного разрастания Москвы. Действительно, в летописях она впервые упоминается при князе Юрии Долгоруком, под 1147 годом, хотя археологические раскопки свидетельствуют о поселениях на месте Москвы ещё

в IX–X вв. С начала XIII в. Москва становится центром Московского княжества, с XIV в. – Великого княжества Московского, со второй половины XV в. – столицей единого Российского государства, крупным торгово-ремесленным и культурным центром. Даже после перенесения столицы России в Петербург при Петре Первом (1712 г.) Москва продолжала оставаться второй столицей до возвращения ей столичного статуса в 1918 г.

Несмотря на эти несомненные исторические факты о постепенной застройке Москвы, эту поговорку трудно назвать чисто русской именно из-за вариантности топонимического компонента. Она имеет немало параллелей в других языках: укр. *Київ не відразу відбудований (збудований), Не відразу Львів збудовано*; бел. *Не за дзень Вільня станавілася; Не адразу Вільню набудаваці*; пол. *Nie od razu Kraków zbudowano*; франц. *Париж не строился в один день*; пол. *Рим не строился за один год*; англ., франц., нем., итал. *Рим не строился за один день*; нем. *Аахен (Кёльн) за один день не строился* и под. Они демонстрируют общность представлений разных народов о том, что строительство больших городов требует больших усилий и немалых затрат времени. Универсальность этой паремиологической модели отразилась в активном варьировании названия города в малом фольклоре и языках разных народов: *Аахен* – в датском, фризском и африкаансе, *Брюгген* – в датском, *Буда (Будапешт)* – в венгерском, *Кёльн* – в африкаансе, датском, фризском, *Краков* – в белорусском и польском, *Любек* – в немецком, *Львов* – в польском, *Прага* – чешском и словацком, *Варшава* – в польском, *Вашингтон* – в английском (в США), *Загреб* – хорватском и словенском и т.д. «Рекордсменом» по представленности в самых разных языках в этом списке является *Рим*, название которого вошло в поговорки на таких языках, как африкаанс, болгарский, чешский, датский, английский, эстонский, финский, французский, немецкий, венгерский, итальянский, литовский, норвежский, польский, португальский, провансальский, ретороманский, румынский, шотландский, испанский, шведский, ср. лат. *Alta die solo non est extructa Corinthus* (букв. *Высокий Коринф был построен не за один день*) и под.⁵ Поговорку с названием *Москва* заимствовали лишь восточные славяне – укр. *Не сразу (відразу) Москва будувалася (будувалась)* и бел. *Не за год Масква настаўлена, Масква не зразу будавалася*.

Как видим, монография Р. Выжкевич-Максимов действительно даёт в целом объективное представление об антропоморфной ипостаси языковой картины мира в польской, сербской и хорватской паремиологии. Автор демонстрирует глубокие знания теоретической литературы и многочисленных

⁵ G. Paczolay, *European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese*, Veszprem: Nyomda Rt., 1997, p. 449–451.

источников разносторонне квалифицируемого им материала. Тем самым образ Человека в ракурсе сопоставления вырисовывается пластично и детализировано. Кроме уже отмеченных общих достоинств этого труда можно отметить и немало более конкретных наблюдений, выводов и констатаций. Убедительно, в частности, распределение сопоставляемых паремий на три группы, по-разному отражающих потенциально маркированную национальную специфику (с. 256–257):

1) пословицы, в которых отражены особенности характера, общие для всех людей, без учёта их языка, истории и культуры;

2) пословицы, отражающие некоторые, избранные особенности, признаваемые в конкретном социуме основными, принципиально значимыми;

3) этнические пословицы – продукт стереотипов и автостереотипов, специфические для данной группы, которые отличаются субъективизмом, национальной окрашенностью и акцентируют, а иногда и гиперболизируют характеристики других народов.

Удачной кажется и чисто лингвистическая детализированная классификация паремий (насчитывающая 17 групп) по их семантической противопоставленности – на атрибутивные, количественные, темпоральные, пространственные, ситуативные и т.д. противопоставления (с. 41–43). Внимание к паремиологическим стереотипам, как уже отмечено, – один из оправданных доминантных интересов Р. Выжкевич-Максимов. Автор при их интерпретации проявляет разумную осторожность, неоднократно оговаривая их субъективность и обусловленность разными факторами, особенно историческими. Не случайно те паремии, которые отражают такую стереотипизированность, нередко рассматриваются в рамках более общих языковых взаимодействий. Таково, например, описание универсальной шкалы градаций предпочтительности типа *Lepszy rozum niż bogactwo*, к которой автор относит и пословицы *Co Polak wypije przez dzień, dla Niemca majątek stanowi; Co Włoch – to doktor, co Niemiec – to kupiec, co Polak – to żołnierz* или серб. *Србин коси, Шваба носи* (с. 45). Своевременным представляется и уже упомянутое внимание автора к *антипословицам* – причём не только теоретическое и терминологическое (с. 28 и др.), но и практическое: в указателе-приложении приводится немало число актуальных ныне в польском, хорватском и сербском языках паремий этого жанра, свидетельствующих об универсальном тренде в их употреблении, ср. пол. *Dura sex, sed sex*, серб. *Ko drugomu jamu kopa, fizички je radnik*, хорв. *Ko za tuhom leti, na govno pada* (с. 331–333). Кстати, Р. Выжкевич-Максимов хорошо осведомлена в теоретической литературе этого относительно нового паремиологического жанра, запущенного в обращение публикациями американского паремиолога В. Мидера (с. 237 и др.).

Книга Р. Выжкевич-Максимов является и своевременным стимулом для возвращения к некоторым общетеоретическим и терминологическим проблемам паремиологии. К последним, например, относится расшифровка дефиниций таких терминов, как *proverbium*, *dicteria*, *sentencija*, *gnoma*, *pririječije*, *poslovica* (с. 24) или попытка иерархизации терминов *adagium* – *aforyzm* – *apoftegmata* – *epigramata* – *gnoma* – *maxima* – *sentencja* – *skrzydlate słowa* – *slogan* – *wyrażenie (przysłowiowe)* – *wyrażenie porównawcze* – *porzekadło* – *antyprzysłowie* (сс. 25–28). Разумеется, столь чёткое разграничение этих терминов достаточно условно, что подтверждают исследования и дискуссии многих европейских паремиологов. Так, *skrzydlate słowa* могут оказаться и *sloganami*, и *aforyzmami*, и *antyprzysłowiami*, а термины *wyrażenie (przysłowiowe)* и *porzekadło* в разных интерпретациях допускают дефиниционное пересечение – как и русские *пословица* и *поговорка*. Тем не менее, возврат к решению терминологических вопросов неизбежен и полезен.

Небесполезно, как кажется, было бы и обращение автора книги и к монографиям и словарям русских паремиологов и паремиографов⁶. Да и краткий, но содержащий ценные данные об употребительности славянских пословиц словарь М. Ю. Котовой⁷ мог бы, как кажется, сослужить службу для сопоставления паремиологии трёх языков уже и потому, что он бы позволил расширить масштабы такого сопоставления.

Пословицы и поговорки как и фольклор в целом – неотъемлемая часть общечеловеческой и собственно национальной культуры. В этом постоянном динамическом взаимодействии «Своего» и «Чужого» сокрыты импульсы развития культуры и языка всех народов. Эти импульсы передаются из поколения в поколение, не давая нашим внукам и детям забыть то наследие, которое им оставили их деды и родители. Не случайно поэтому Р. Выжкевич-Максимов свою книгу посвятила «Moim Rodzicom». Я уверен, что такое посвящение – лучший подарок родителям автора. Но это и подарок нам, читателям этой паремиологической повести о характере и личности человека.

Валерий М. Мокиенко

⁶ Напр., М. Ю. Котова, *Очерки по славянской паремиологии*, Санкт-Петербург 2003; Л. Б. Савенкова, *Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты*, Ростов-на-Дону 2002; Е. И. Селиверстова, *Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость*, Санкт-Петербург 2009; С. В. Сидорков, *Пословично-поговорочные паремии как фактор структурно-смысловой организации дискурса*, Ростов-на-Дону 2003.

⁷ М. Ю. Котова, *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*, под ред. П. А. Дмитриева, Санкт-Петербург 2000.